

7 28 АПР 38

Москва

Газета №

Меморандум режиссера Федорова

Во французском словаре «Ларousse» слово меморандум объяснено так: «Дипломатическая нота, содержащая общее изложение существа какого-либо вопроса». Объяснение, по-видимому, неполное, ибо меморандумами, как оказалось, обмениваются не только правительства и подписывают их не только министры иностранных дел. Перед нами лежит «меморандум», представленный дирекции Ашхабадского драматического театра и подписанный художественным руководителем этого театра Василием Федоровичем Федоровым.

«Меморандум» составлен по всем правилам дипломатического искусства. Он состоит из 12 разделов, разделы делятся на пункты, пункты на подпункты, а в самом конце — «приложение» на двух страницах, ибо дипломатическая нота без приложения выглядит как-то несолидно. Нехватает только пресловутого «примите и проч».

Чему обязан мир появлением этого исключительного в своем роде документа? Ответ мы находим в пункте первом: «Настоящий меморандум составлен в связи со сделанным мне, В. Ф. Федорову, дирекцией Гос. Русского драматического театра им. А. С. Пушкина, в лице директора т. Нечаева, предложением — возглавить руководство художественной частью театра в будущих сезонах».

Дальше идет раздел «Короткая цитата», вкратце рисующий картину неприятного состояния названного в пункте первом театра. Автор «меморандума» оперирует здесь такими терминами, как «крайне неудовлетворительно», «отрицательно», «поверхностно и неглубоко», «репертуар проскальзывает (!!) такие пьесы, как «Чужой ребенок» Шкваркина». Кто не удовлетворяет техническое оснащение сцены, освещение, хозяйственная база театра. Помимо этого, — читаем мы в «меморандуме», — выяснилось, что театр в ряде лет своей работы не сумел завоевать расположение и любовь рабочего зрителя».

Как можно понять из дальнейшего, В. Ф. Федоров берется завоевать театру и расположение и любовь, но выдвигает со своей стороны ряд условий.

Прежде чем рассмотреть эти условия, скажем несколько слов о том, как автор «меморандума» мыслит себе «художественное лицо театра». Надо прямо сказать: какое-то расплывчатое лицо получается. Похоже на то, что В. Ф. Федоров не знает, чего он хочет. Дело не идет дальше сентенций о том, что «художественное лицо театра образуется прежде всего и главным образом тем репертуаром, который театр играет» и что «репертуар театра определяет все формальные особенности данного художественного организма — театра».

В разделе «О репертуарном плане на трехлетие» названы 15 классических пьес и три советские пьесы. В 1939 г. худрук собирается ознакомить ашхабадских зрителей со «Штурмом», в 1940 г. — с «Оптимистической трагедией», а в 1941 г. — с «Гибелью эскадры».

В. Ф. Федоров считает, что включение в репертуар классических пьес «гарантирует творческое развитие театра по линии социалистического реализма».

Ой-ли? Если бы дело обстоит так просто, не было бы ничего легче, чем гарантировать развитие всех наших театров «по линии социалистического реализма».

Раскрывает ли В. Ф. Федоров основы своего подхода к сценической интерпретации классиков? Отнюдь. Говорит ли он что-нибудь о системе воспитания актеров, о методах работы над образом? Ни слова. Зато он не забыл оговорить в этом примечательном документе, что бархатные сукна на сцене должны быть «без рубчики». Не спорим, быть может это очень важно. Но нам почему-то кажется, что работа режиссера с актером как-то важнее. Может быть, мы и ошибаемся. В. Ф. Федоров ограничивается категорическим требованием (так и написано: «категорическим требованием») довести количество актеров с 56 до 57, т. е. добавить 4 человека. Вот и все.

Самый пикантный раздел «меморандума» скромно помещен в конце. Он озаглавлен так: «О моих материально-бытовых претензиях на будущее». Этот раздел В. Ф. Федоров составил очень четко. Он, оказывается, хорошо знает, чего хочет. Он хочет получать три тысячи рублей ежемесячно. Он хочет работать в театре полгода, 3¼ месяца проводить в отпуску и 2¼ месяца — в командировке в Москве за счет театра. Он, наконец, хочет, чтобы дирекция обеспечила его хорошим номером в гостинице и почему-то обязательно «на фасал».

Портной Гуревич говорит в «Очной ставке»: «Фасад для портного — это нет отбоя от клиентов, всеобщий почет и красивая старость». А для режиссера? Зачем понадобился фасад режиссеру? Всеобщий почет фасад (равно как и весь «меморандум») ему не обеспечит. Самое большее, на что может рассчитывать составитель «меморандума», — это всеобщая известность, и мы о удовлетворенном вносим свою лепту в это дело.

Все эти «претензии», как настаивает В. Ф. Федоров, «должны быть вложены в особый контракт, зарегистрированный у нотариуса, с упоминанием, что художественное руководство я прошу, в основном ориентироваться на данный меморандум».

Случай, не имеющий прецедента в истории театра. Кто, где и когда регистрировал у нотариуса основы художественного руководства театром, свой творческий метод? Никто, нигде, никогда.

Мы забыли рассказать еще об одном совершенно сногшибательном требовании В. Ф. Федорова. «Согласаюсь принять на себя руководство театром на основе тех положений, каковые были выдвинуты в настоящем меморандуме, и попутно заявляя требование о назначении постоянного несменяемого директора, с которыми бы я смог сработать...».

Довольно! Вынуждены вас разочаровать, режиссер Федоров, — это требование невыполнимо: директор, который согласится на ваши требования должен быть смелее на другую же день.

Примите и проч.

Я. ВОРОВЫЕВ